

Анастасия Тулякова (Нижний Новгород)

«Аскалонский злодей» Н. С. Лескова: история одного эпитафия¹

В недатированной записной книжке Н. С. Лескова указано, что одним из возможных вариантов эпитафия к повести «Аскалонский злодей» (1889) могла стать цитата из «Египетских ночей» А. С. Пушкина, в итоге выбранная Лесковым в качестве эпитафия к совсем другой повести «Гора» (1890):

Этот анекдот совершенно древний — Такой случай нынче не сбыточен как сооружение пирамид, как римския зрелища, как игры гладиаторов и зверей² [РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108 а: 29].

Однако в этой же записной книжке мы находим указание на второй вариант эпитафия к «Аскалонскому злодею» — фразу на немецком языке, источник которой Лесков не указывает:

Warum rufst Du mich herauf aus meinem dunklen Graben? Auch dass du Zeugniß gibest von einer dunklem Zeit³ [РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108 а: 29].

Лесков в итоге отказывается от обоих эпитафиев и выбирает два других, которые, казалось бы, не коррелируют с предыдущими вариантами:

Мужчина, любви которого женщина отказывает, становится диким и жестоким.

Лукреций

Наши отдаленные предки в припадках любви не довольствовались вздохами или золотом, как это принято теперь, а они доходили до жестокой борьбы, в которой те и другие падали мертвыми...

Ц. Ломброзо⁴ [Лесков 1989: 173].

¹ Работа написана при поддержке гранта федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (соглашение 14.132.21.1050 от 14 сентября 2012 г.).

² Выражаю благодарность О. В. Макаревич за предоставление архивных данных и А. В. Вдовину за помощь в переводе немецких текстов.

³ Почему ты вызываешь меня из темной могилы? Чтобы ты свидетельствовал о темном времени — *пер. с нем.*

⁴ Сочинение Тита Лукреция Кара, послужившее источником цитат, не установлено. Из Ломброзо цитируется сочинение «Любовь у помешанных», перевод которого на русский язык был опубликован как раз в 1889 г. [см.: Ломброзо 1889]. «Ц.» в подписи у Лескова означает «Цезарь» — русский вариант имени Чезаре, характерный для XIX в.

Вопрос выбора Лесковым изречений Лукреция и Ломброзо в окончательной редакции остается открытым, как и вопрос происхождения немецкого выражения в записной книжке. Тем не менее установление его источника может очертить круг текстов и проблем, которые интересовали Лескова в период написания повести. Чтобы решить обозначенную задачу, мы попытаемся найти источник немецкого эпитафия, понять, чем он заинтересовал Лескова и почему писатель от него отказался. Затем сравним семантическую структуру всех четырех эпитафиев и, наконец, установим и опишем связь каждого из эпитафиев с повестью «Аскалонский злодей».

Из каких же источников Лесков мог почерпнуть немецкую фразу? Самое первое из известных случаев ее употребления восходит к роману Карла Шпиндлера «Еврей. Картина германских нравов в первой половине XV столетия» (1827), который был переведен на русский язык в 1834 г. Представляется вполне вероятным, что Лесков был знаком с романом Шпиндлера — как с немецким оригиналом, так и с русским переводом. На его титульном листе в обоих изданиях значится:

Gespens der Vorzeit: Was rufst du mich herauf aus meinem dunklen Grabe?
- Zauberer: Damit du Zeugniß gäbest von einer dunklen Zeit!

*Призрак старины: Почему ты вызываешь меня из моей темной могилы?
Вошебник: Чтобы ты дал показания о темном времени*⁵ [Шпиндлер 1834: тит. л.].

Указания на источник эпитафия Шпиндлер не дает. Можно предположить, что отсутствие ссылок обусловлено романтической традицией, когда авторы намеренно выдумывали эпитафии и не подписывали их (например, так поступал Вальтер Скотт). Возможно, что Шпиндлер воспроизвел текст по памяти или вовсе не желал назвать автора, так как счел это необязательным. Выяснить истинную причину опущенной ссылки оказывается затруднительно, если не невозможно. Роман Шпиндлера,

---

⁵История бытования эпитафия частично восстановлена в статье Габриэля фон Глазенappa, на которую мы здесь опираемся [см.: Glasenapp 1999: 389–404].

приобретший широкую известность не только в Германии, но и в России особенно после Дамасского дела 1840 г.⁶, был переделан по-русски неизвестным лицом в драму «Эсфирь, дочь Израиля» (1880)⁷ [Эсфирь 1880: тит. л.]. Хотя такой пьесы в репертуарной хронике русских театров не числится, факт переложения говорит о неугасающей популярности романа.

Эпиграф Шпиндлера был подхвачен и отчасти популяризирован Иоахимом Розенауэром в исторических сценах «Юнкер и еврейка» (1856), в предисловии к которому автор называет роман Шпиндлера одним из самых значительных романов своего времени и указывает, что заимствует эпиграф именно оттуда [Rosenaue 1856: 134]. Все три текста повествуют о жизни в Германии еврейских общин, притесняемых местными жителями, притом главные герои-евреи представлены как праведные и набожные люди, лишенные чувства ненависти и мести к обидчикам.

Любопытно, что Лесков неточно записывает в книжке немецкий эпиграф: во-первых, в отдельных немецких словах неправильно воспроизведена грамматическая форма; во-вторых, Лесков не соблюдает диалогизированную форму цитаты из Шпиндлера, записывая ее в одно предложение и нарушая пунктуацию. Интерес к еврейскому вопросу в 80–90-х годах мог побудить Лескова к изучению не только исторических документов, фиксирующих жизнь евреев, но и художественных текстов, связанных с наиболее яркими событиями их истории.

Два эпиграфа из записной книжки, в отличие от тех, что фигурируют в канонической редакции, предвосхищают не столько сюжет повести, построенный на любовном треугольнике Фалалей (муж) — Тения (жена) — Милий («именитый ипарх»), сколько ее конфликт, затрагивающий более важные этические вопросы. С одной стороны, значение слов «древний» и «темное время» может быть тождественно и свидетельствовать о хронологии событий, уходящих в далекое прошлое, — период перехода

---

⁶ Дамасское дело — обострение гонений на евреев, связанное с обвинением их в ритуальном убийстве монаха-капуцина в 1840 г.

⁷ Числится как рукописная книга в алфавитном каталоге РГБ.

от язычества к христианству. С другой стороны, упоминаемые в эпитафии из «Египетских ночей» «римские зрелища <...> игры гладиаторов и зверей» [РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108 а: 29] могут восприниматься как ситуации варварские, дикие и жестокие, а значит, их семантика может быть соотносима со значением выражения «темное время», характеризующееся утратой нравственных ориентиров и моральным падением Римской империи перед ее гибелью.

Повесть рассказывает о купце Фалалее, который, переправляя чужие товары через море, терпит кораблекрушение и утрачивает их. За это героя заключают в темницу, куда к нему ежедневно приходит его жена Тения, зарабатывающая игрой на арфе в виноградных садах Эпимаха. Вскоре в Аскалон приезжает жестокий «ипарх» Милий для того, чтобы совершить суд над разбойником Анастасом, заключенным в ту же темницу, что и Фалалей. Милий увлекается Тенией, и доимщик долгов Тивуртий предлагает жене ответить на ласки Милия ради освобождения мужа. Однако Тения отказывается и лишается работы, поскольку Тивуртий, желая отомстить Тении, просит откупщика Сергия доставить в сады танцовщиц из Египта. Тении нечем кормить детей и мужа, она идет в темницу просить у него совета, однако Фалалей, терзаемый голодом, готов отдать жену Милию. В это время Анастас, прозванный «береговым злодеем» за то, что грабил с суши морские суда, отдает свои хлебцы для детей Тении. В финале повести Тения готова пойти на отчаянный шаг ради освобождения мужа, но Анастас говорит ей, где спрятаны накопленные им сокровища, и позволяет взять их, чтобы выкупить Фалалей и других заключенных. Сам же Анастас погибает в огне на дне тюремной ямы.

Религиозному конфликту в тексте уделено не много внимания. Автор единожды обозначает в тексте нетерпимость людей разной веры друг к другу, называя эти столкновения ночными «ссорами и схватками» [Лесков 1989: 205]. Однако в повести встречаются описания, свидетельствующие о «темных временах», когда язычники действительно страдали

от притеснения со стороны христиан — так, отец Тении «сделался жертвою переходных порядков при царе Иустиниане и жене его Феодоре» [Лесков 1989: 174]. Кроме того, в тексте показано неуважительное отношение христиан к язычникам. Так, Милий пытается соблазнить язычницу Тению, которая по правилам своей веры свободна в выборе мужчины. Она, несмотря на свое формальное языческое вероисповедание, оказывается ближе к христианской морали, нежели другие герои. Но Милий не может пойти против государственного закона и помочь «чужеверной» Тении деньгами прежде, чем поможет единоверцам. Таким образом, Милий не нарушает закона царицы Византийской Феодоры, но пренебрегает одной из основных христианских заповедей «возлюби ближнего своего», на что указывает ему Тения. Фалалей желает большего богатства, но это противоречит христианской вере, о чем и сообщает мужу Тения. Принадлежность к какой-либо вере другого героя — Анастаса-душегубца — остается неясной, поскольку на вопрос Тении о «его боге», разбойник отвечает: «Не вспоминай моего имени богу <...> я не верю никаким детским сказкам» [Лесков 1989: 204]. Можно предположить, что разбойники Аскалона действительно придерживались атеистических взглядов, так как не только «береговой злодей» Анастас, но и разбойник, ударивший Фалалея багром в воде, не внял упоминанию об имени Христовом. Дальнейшие действия Милия и его подопечных, наделенных жестокостью и тягой к насилию, но маскирующихся под внешней благообразностью, являются также показательным примером отступления от христианской морали. Таким образом, вероисповедание героев не мотивирует их поступки. Милий все равно оказывает помощь Тении из-за того, что муж и дети ее христиане, а Тения с добром относится ко всем людям: и к христианам, и к разбойникам-атеистам.

Известно, что сюжет повести отсылает к проложному «Слову о купце» (от 14 июня), которое впоследствии было включено Лесковым в книгу «Легендарные характеры» (1892). И. Н. Минеева доказывает выдержкой из письма Н. С. Лескова к В. А. Голь-

цеву от 14 ноября 1888 г., что интерес писателя к проложной легенде обусловлен желанием включить будущую повесть в цикл святочных рассказов, и предполагает, что «функциональной приуроченности проложного “Слова” к святкам способствовала “схожесть” его душеполезного содержания с диапазоном мотивов святочных рассказов Лескова — следование евангельским заповедям, самоотверженное сострадание, духовное преобразование грешника» [Минеева 2005: 49–60]. Причину же обращения Лескова к истории древнехристианских государств Минеева объясняет цитатой из письма Лескова к А. Н. Пешковой-Толиверовой, датированного ноябрём 1889 г.: «<...> обнять и оживить этот 2000 лет уснувший мир <...> погружаться в Сирию и Египет...» [цит. по: Минеева 2005: 49—60].

Однако нам кажется необходимым указать на другой факт творческой биографии Лескова, который, по нашему мнению, важен для понимания «Аскалонского злодея» и интереса Лескова к раннему христианству. С 1880-х годов писатель активно начинает интересоваться жизнью и положением еврейских общин в России и историей евреев. Так, в 1883 г. по заказу петербургской еврейской общины Лесков пишет очерк «Евреи в России (Несколько замечаний по еврейскому вопросу)». Лесковым было написано пять рассказов, описывающих нелегкую судьбу евреев. Габриэла Сафран пишет, что попытка писателя уяснить «роль евреев в христианской истории» повлекла за собой вопрос об «истинности» или «фарисействе» новообращенных в христианство евреев [см.: Сафран 2004: 112], который Лесков и пытается решить в ряде своих произведений. Так, в цикле святочных рассказов, написанных в период с 1881 по 1894 г., по крайней мере, в четырех текстах («Отборное зерно», «Жидовская кувырколлегия», «Путешествие с нигилистом», «Обман») затрагивается еврейская тема, причем евреи представлены со всеми традиционно приписываемыми им недостатками: хитростью, ленью, изворотливостью, предприимчивостью. Обращение к религиозной истории Древнего Востока вызвано, возможно, и тем, что Лескова заинтересовала судьба евреев, проживавших или скрывавшихся

в Палестине, Сирии, Египте, а также распространение на некоторых иудейских территориях византийского влияния. В цикле Лескова «Византийские легенды» (1887—1890) еврейский вопрос затронут поверхностно, однако реалии еврейской культуры, будь то ее представитель или название предмета, также присутствуют в нескольких рассказах. «Фарисейство», понимаемое как религиозное лицемерие, отнесено Лесковым не только к иудеям, но и к представителям христианства, что прослеживается на примере героев «Аскалонского злодея» — Милия, Евлогия, Тивуртия и Раввулы, которые используют веру в качестве одного из способов приобретения власти и богатства. Для Лескова было важно показать, что грехи человека в итоге определяются не принадлежностью к религии, а его внутренними побуждениями, которые не всегда мотивируются исполнением заповедей. Аскалонские «христиане» оказываются более жестокими и алчными, чем язычники, а во «Владычном суде» (1877) евреев отца и сына рекрута читателю жаль в большей степени, чем чиновников-христиан из России.

И цитата из «Египетских ночей», и немецкий эпиграф помимо указания на происшествия далекого прошлого перекликаются в характеристике событий, определяемых как варварские, жестокие, насильственные, кровопролитные. Мотив жестокого отношения к ближнему присутствует уже в первой главе «Аскалонского злодея», когда жители приморского города утопили и разграбили последний корабль Фалалея, что и становится завязкой повести. Кульминация — сжигание осужденных в тюремной яме — также характеризуется безжалостным обращением с людьми, маниакальным желанием уничтожить «неправедных» разбойников, тем самым демонстрируя власть над человеческой судьбой. Сама темница именуется «Иродовой» [см.: Лесков 1989: 180], так как была выкопана при Ироде (кстати, уроженце Аскалона); в действительности в названии «иродова темница» уже заключен аллегорический смысл, отсылающий к жестоким событиям царствования Ирода. Бессердечность по отношению к другим людям сопровождается символикой красного цвета: грабитель

«с красным платком на голове» [Лесков 1989: 176] ударяет тонущего Фалалея багром, Милий одет в пурпурную тогу [см.: Лесков 1989: 185], а девушки-танцовщицы, из-за которых Тения лишилась заработка, во время танца выставляют огненно-красные пятки [см.: Лесков 1989: 203].

Казалось бы, первый эпиграф из «Египетских ночей», в котором есть даже отсылка к египетскому топосу («сооружение пирамид») подходит к повести в большей степени, чем выдержка из Шпиндлера, потому что Египет присутствует на страницах «Аскалонского злодея» как пространство, культивирующее и скрывающее человеческий грех, что соответствует мотивной структуре повести:

В это же мгновение из куста или с лодки у берега моря раздался тонкий звук дудки лодочника, вмиг погасли огни, а с ними у всех разом затмилась стыдливость и обняла все налетевшая тьма из Египта [Лесков 1989: 203].

Девы, умеющие «искать осу»⁸, также были привезены откупщиком Сергием из Александрии и имели нубийское происхождение.

Цитата из «Египетских ночей» могла не удовлетворить Лескова по той причине, что события, описываемые в повести, имеют бессрочный характер: человеческая жестокость к ближнему существовала как во времена правления Феодоры и ее наместников, так и в середине XIX в., о чем свидетельствовал рост антисемитизма. Такие ситуации были вполне «сбыточными» в условиях царской России, поэтому эпиграф из «Египетских ночей» мог показаться Лескову не совсем подходящим к делу.

Эпиграф из Шпиндлера не привязан ни к какой конкретной эпохе, но лишь к любому «темному времени». Обращение к Духу старины, обитающему в «темной могиле», по-видимому, вызвано желанием Лескова узнать о достоверных событиях того времени, не закрепленных в повествовании Пролога, четко разграничивающего добро и зло. «Призрак минувшего» (в русском переводе) является свидетелем исторического знания, храните-

---

⁸ Танец, во время которого в одежду танцовщицы запускала оса, и девушка, изгибаясь и снимая с себя одеяния в танце, пыталась от нее избавиться.

лем фактов, беспристрастно очерчивающих явления прошлого. Роман Шпиндлера, который повествует о реальных событиях — притеснениях еврейской общины во Франкфурте в XV в., демонстрирует и углубляет понимание того «темного времени», о котором идет речь в эпитафии.

Тем не менее Лесков убирает этот эпитафия и оставляет два других, не содержащих никакого намека на межэтническую рознь, но развивающих тему жестокого отношения к человеку.

Мотив жестокости, который в двух эпитафиях из Лукреция и Ломброзо в канонической редакции соотносится с любовным отказом, кажется несколько завуалированным, однако именно он связывает все четыре эпитафия, которые Лесков рассматривал в качестве возможных. Видимо, писатель намеренно хотел расставить акценты не в пользу религиозных столкновений (по этой причине он так мало говорит о них в тексте, хотя именно ими объясняется напряженность в отношениях между людьми), а сосредоточить внимание на последствиях этой напряженности — жестокости, озлоблении, всеобщей подозрительности. Желание вывести межрелигиозную рознь на периферию повествования и поставить в центр сюжета тему жалости и самопожертвования к ближнему продиктовано, вероятно, выводами Лескова, согласно которым «для себя я имею мнение, что лучше жить братски со всеми национальностями, и высказываю это мнение...» [цит. по: Сафран 2004: 110].

Мучительные размышления Лескова над еврейской темой в 80–90-е годы в конечном итоге заставили его задуматься над проблемой межнациональных конфликтов в целом. В поисках ответа на вопрос о религиозной вражде, Лесков пришел к выводу, что причина розни кроется не в вере, а в нравственных установках человека. В поздних текстах, в частности в «Аскалонском злодее», писатель попытался создать такой тип героя, который стоял бы выше религиозных столкновений между людьми и был в состоянии примирить их через свой жизненный пример.

СОКРАЩЕНИЯ

Лесков 1989 — *Лесков Н. С.* Аскалонский злодей // Собрание сочинений: В 12 т. М., 1989. Т. 10. С. 173—226.

Ломброзо 1889 — *Ломброзо Ч.* Любовь у помешанных: Для врачей и юристов. Одесса, 1889.

Минеева 2005 — *Минеева И. Н.* Творческая история повести Н. С. Лескова «Аскалонский злодей. Происшествие в Иродовой темнице (Из сирийских преданий)» // Sciences and Humanities: Гуманитарное знание как синтез наук. Вып. 8: Лесковский палимпсест. СПб., 2005. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCoQFjAA&url=http%3A%2F%2Fiff.kspu.karelia.ru%2FDswMedia%2Fmineeva_leskov.doc&ei=5JghUqndGo6Hswbju4CICg&usg=AFQjCNFz1x5COyARmJvYww52nWeSyep8jg&bvm=bv.51495398,d.Yms (дата обращения: 30.08.13).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Сафран 2004 — *Сафран Г.* «Переписать еврея...»: тема еврейской ассимиляции в литературе Российской империи (1870—1880 гг.). СПб., 2004.

Шпиндлер 1834 — *Шпиндлер К.* Еврей: картина германских нравов в первой половине XV столетия. СПб., 1834.

Эсфирь 1880 — *Эсфирь*, дочь Израиля: драма в 5 действиях и 7 картинах. М., 1880.

Glasenapp 1999 — *Glasenapp G.* Zur (Re-)Konstruktion der Geschichte im jüdisch-historischen Roman» // *Aschkenas*. 1999. Bd. 9. S. 389—404.

Rosenauer 1856 — *Rosenauer J.* Junker und Judenmaid // *Sippurim: eine Sammlung jüdischer Volksagen, Erzählungen, Mythen, Chroniken, Denkwürdigkeiten und Biographien berühmter Juden*. Prag, 1856.